

Полежали мы так некоторое время, потом я начал задремывать, сквозь сон ощущая, как Рогозина слезла с меня, и легла рядом, умиротворенно положив голову мне на плечо, а теплую ладошку на грудь. Внезапно какой-то громкий звук вернул меня в реальность, заставив напрячься. За окном была ночь, однако возле окна со стороны улицы маячила какая-то фигура.

— Т-с-с! — прошептала капитанша, приложив палец к моим губам. — Ни звука.

Легко и бесшумно встав с кровати, она направилась к двери. Тихо щелкнул предохранитель пистолета, а потом включился свет, и Рогозина громко спросила:

— Кто там?

— Извините, — пискнул за дверью смущенный девичий голос. — Это обслуга, вам там звонят по городскому телефону, спрашивают капитана Рогозину. Говорят, какой-то не то майор, не то полковник из столицы, по очень важному делу.

— Наверное, кто-то из начальства, — Алина проверила телефон. — Ну да, мой разряжен, дозвониться не могут. Саш, жди здесь, я сейчас.

— Куда? — я приподнялся. — А охранять меня кто будет?

— Там снаружи мои люди, да и я быстро, минут на пять, обещаю, — быстро накинув одежду поверх обнаженного тела, она отперла дверь, и исчезла в ночи, выключив на прощание свет. Снова оставшись в темноте, я лег обратно, прислушиваясь к сонному дыханию Софии с соседней кровати. Надо бы посмотреть, сколько время, может утро уже, а никто так и не пришел по мою душу.

Но едва я потянулся за телефоном, как дверь открылась, и в комнату скользнула быстрая, гибкая тень, едва угадывающаяся в бледном свете луны, заглядывающей в окна. Я не успел даже вздрогнуть, как мне в шею впилось нечто острое, больно кольнув, словно иголкой. А в следующий миг на меня кто-то навалился, руки оказались прижаты к кровати коленями, а на лицо опустилась подушка. Я задергался, дрыгаясь изо всех сил, но кислород стремительно заканчивался, сознание отключалось, а мое тело начало проваливаться куда-то в глубокую пропасть...

Удар. Еще удар. Холодная вода в лицо, задыхаясь, я закашлялся, выплевывая ее. Кисти рук занемели, ноги не могли пошевелиться, голова разлеталась на кусочки от дикой боли. Перед глазами все расплывалось в разные стороны, но постепенно картинка обрела четкость, образовав знакомое лицо.

— Ну, привет, герой, — затянувшись сигаретой, Лера равнодушно стряхнула пепел прямо на пол. — Будешь?

Я замычал, и замотал головой. Язык во рту едва двигался, не давая произнести ни слова, а в горле пересохло, как в пустыне. К тому же, меня еще и подбрасывало, ударяя об металлический пол. Вокруг сомкнулись стены грузового микроавтобуса, который двигался на полной скорости куда-то в неизвестном направлении, тускло горели лампочки. Сама Лера сидела на жесткой скамейке, она же вроде как сиденье, а рядом маячили две головы, каждая закрыта черной маской с прорезями для глаз и рта, как у террористов. Я прикрыл глаза, второй раз в жизни ощущая сильнейшую слабость. Глупо. Господи, как же глупо все получилось!

— Эй, не спать, — легкий толчок в ребра туйфлей заставил меня вернуться в окружающую действительность. Наклонившись, Лера бесстрастно изучала мое лицо, словно выделяя каждую деталь. — Помнишь меня?

Я молча кивнул.

— Ань, дай ему попить, — одна из двух голов в маске оказалась рядом, а к моим губам прижалось горлышко бутылки с минералкой. Глотая ее без особого удовольствия, я, тем не менее, вернул себе способность нормальной человеческой речи.

— Да, Лера, я помню тебя, привет. Давно не виделись.

— Давненько, — она флегматично выпустила в потолок струю дыма. — Твоя начальница оказалась не такой уж и типичной блядской стервой, потом эти охранницы, чтоб им пусто было, потом еще капитан полиции. Столько людей мешало нам встретиться раньше! А ведь я скучала, не поверишь, но это так. Никак забыть тебя не могла, даже навестить тебя хотела, приватное обслуживание заказать, а ты взял, и сбежал, подлец эдакий. Неужели тебе ничуть не волнуют мои чувства? Мог бы пойти навстречу, ведь знаешь, что я тебя тоже зацепила, каждый день меня вспоминал.

Она затушила сигарету в обрезке жестяной банки, служившем пепельницей, и продолжила вдруг изменившимся, уже более резким тоном:

— Ладно, Саша, давай-ка шутки в сторону. Бордель только начало, ты помог моему папеньке немного подзаработать, теперь поможешь и мне. Сейчас мы отвезем тебя в одно тихое, укромное место, и там ты окажешь мне одну, очень большую услугу. И я тебя очень прошу — не надо больше этих фокусов, ладно? А то ведь я и разозлиться могу.

— Что тебе от меня нужно? — странно, но стоит заметить, что страха я совсем не испытывал. Скорее, усталую обреченность.

— То, что тебе дано от природы, — обутая в туйфлю женская нога прошлась по моему животу, и уперлась прямо в пах. — То, чем я уже один раз воспользовалась ради удовольствия, а теперь возьму ради личной выгоды. Мне нужна твоя сперма.

— А? — звучало это более чем неожиданно. — В смысле?

— В самом прямом. Но, к сожалению, нужна она не только мне, а еще миллионам женщин во всем мире. Готовься превратиться в большой денежный мешок, и заодно приготовься к рабству, потому что больше я тебя от себя никуда и никогда не отпущу. С этой минуты я — твоя Госпожа, усек? Ань, дай ему поспать, пусть немного отдохнет, бедняга.

Улыбнувшись своей зловещей улыбкой, Лера отвернулась, а к моему носу прижался носовой платок, смоченный какой-то остро пахнущей химией. На этот раз я не стал сопротивляться, а послушно вдохнул, сразу погрузившись в глубокий сон без сновидений.

Если вы читаете эти строки, то уже наверняка понимаете, что я все-таки смог написать все это, рассказав, как все происходило. Но это не значит, что все обернулось сразу большой удачей. Нет, сначала все и дальше было очень и очень плохо для меня лично.

Ехали мы долго, значительно дольше, чем меня везли Катя и Инна. Всю дорогу я провел в бесчувственном состоянии, только запомнились смутные отрывки, как меня несколько раз перекалывают в другие машины, а потом и вовсе во что-то, летающее по воздуху. Потом на мне волшебным образом появилась одежда, а сам я вдруг оказался уставшим и выжатым, как лимон, хотя совершенно не представлял, отчего, хотя имелись смутные подозрения.

Короче, окончательно я пришел в себя, когда меня несли на носилках по широкой,

обсаженной каштанами алле, а справа высилось мрачное здание с деревянными, еще советских времен, окнами. А когда меня внесли в полутемный коридор, и моего носа коснулся запах лекарств, мой мозг моментально заработал на всю катушку, осознав ужас положения. Вот тут то и пришел страх.

— Помогите! — я задергался на носилках, но бесполезно — спеленали меня, как психически неуравновешенного, буйного пациента «дурки». — На помощь! Меня на органы забирают! Люди!

Но мои крики не возымели никакого действия, никто не выглянул, никто не отозвался. Леру и ее помощниц они тоже не трогали, те вообще их проигнорировали. Так что я закрыл варежку, поняв, что выбрал не совсем правильную тактику, сразу показав, чего я боюсь больше всего.

Все также в полном молчании меня внесли в помещение, очень смахивающее на больничную палату, и переложили с носилок на кровать с жесткой панцирной сеткой под матрасом. Потом одна из помощниц взяла меня в мертвый, профессиональный захват, и так держала, пока вторая освобождала мое тело от пеленальных пут, срывала с него одежду, и застегивала на ногу кожаный браслет с идущей от него цепью, другой конец которой был пристегнут к ножке кровати. Еще один браслет, но только электронный и без цепи, застегнули на другой ноге. Справились, козырнули, и вышли, оставив меня, голого и беспомощного, наедине с хладнокровной садисткой.

— Отлично, — взяв стоящий у стены стул, Лера развернула его спинкой вперед, и села. — Итак, Саша, добро пожаловать в мою клинику. Раньше здесь была больница, но кому они сейчас нужны? Эпидемия закончилась, мужиков больше нет, а это только у вас, если температура 37, так вы сразу завещание пишете. Мы, женщины, относимся к этому более спокойно. Я никак не ответил на это заявление, только заложил ногу на ногу, пытаюсь хоть как-то прикрыть причиндалы.

— Я, видишь ли, сама в медицине мало, что смыслю, но зато у меня хороший нюх на то, с чего можно поживиться, спасибо моему папочке за еврейские гены, — продолжила психопатка. — И когда я тебя увидела, этот мой нюх сработал моментально.

— Тебе моей квартиры мало было? — негромко спросил я.

— Представь себе. Квартира так, спонсорская помощь, спасибо тебе большое. Если исследования закончатся удачно, я верну тебе деньги за нее с процентами. Но ты сразу отдашь мне их обратно, вот увидишь, — Лера помолчала. — Как думаешь, для чего ты здесь?

— Совершенно не представляю.

— Даже несмотря на то, что я дала тебе подсказку?

— Про сперму? Тогда у меня есть вариант: ты будешь меня, выразимся так, «доить», а мои материалы продавать на черном рынке богатым женщинам для оплодотворения, так?

— Умница, — она снисходительно улыбнулась. — Ты даже не представляешь, сколько готовы выложить некоторые за несколько капель той густой белой жидкости, которую вы, мужики, так безбожно в презервативы сливаете, а потом их выбрасываете. Но ты станешь не только донором, это только часть дохода. Еще я провожу масштабное научное исследование, соперничая с некоторыми своими заграничными коллегами. Только у них все официально, а у меня нелегально, и поэтому я их опережаю. Если я выиграю, то получу известность, впишу свое имя в науку, и до конца жизни буду грести лопатой деньги, который мне будут давать на новые открытия. Оцениваешь масштабы?

— Смутно, — признался я. — Что же это за исследование такое интересное?

— Эпидемия, Саша, эпидемия. Главный глобальный вопрос всей науки на данный момент: что это за странный отборочный тур, где в финале дается шанс выжить? В чем его критерии? Почему ты не умер, и в чем разница между тобой, и скажем, моим бывшим любовником, который погиб от вируса? Почему именно тебе дали шанс, а не кому-нибудь другому, моему глупому неудачливому братцу, например? И самое главное — не получили ли вы что-то в награду? Дашка! Они ведь ждут меня, а я теперь здесь, и, похоже, навсегда. И клиенток, как в борделе нет, теперь точно никто не выкупит. И Лера будет меня постоянно на личном контроле держать, не как ее папаша. Может, даже женит на себе, и увезет куда-то в глухую африканскую страну проводить свои исследования на представителях местного населения. А может, такое провернет, что я подсознательно реально ее рабом стану, буду в ее ногах ползать, и на трусики ее драть, как куколд какой-то. Ей же это раз плюнуть, она больная на всю голову, и меня таким делает.

Блин, блин, блин! Что делать-то, а? Сбежать не сбежишь, когда тебя током бьют, и весточку о себе не подашь. Может, голодовку объявить, потребовав послабления режима? Хотя бы браслет с ноги снять, этого для начала хватит. Ну, снимем, а дальше что? Все двери заперты, а палата, насколько я мог судить по быстрому взгляду в окно, находилась далеко не на первом этаже. Во, влип!

Дверь внезапно открылась.

— Уже соскучился, милый? — поинтересовалась Лера невинным тоном. В руках у нее был поднос, на котором дымились тарелки с едой, а еще она из дорожного костюма переделалась в короткий, обтягивающий топик. — А я вот решила тебя покормить.

Я подозрительно посмотрел на нее. Если не знать, то можно подумать, что это совсем другой человек — от циничной психопатки не осталось и следа, вместо нее заботливая, милая девушка. Но я-то прекрасно знал, что это просто очередная игра.

— Я не голоден.

— Зато я голодна, — отрезала она, суя мне в руки поднос. — Ешь, или я тебя заставлю. А я могу, ты знаешь.

Ну, понятно. И часа не прошло, чего и следовало ожидать.

— Ты мне туда что-то подмешала, да?

— Солнышко, ты что? — притворно ужаснулась она. — Как я могу, ведь я так тебя люблю, моя ты игрушка ненаглядная...

— Тебе самой не противно от этого?

— Ничуть. Жри давай!

А сама уселась рядом, на кровать, буравя меня тяжелым, немигающим взглядом. Я сглотнул, но попытался отстоять свою позицию:

— Я не могу кушать, когда на меня смотрят.

— А здесь никого нет. Ты же один здесь! Давай, ложечку за Госпожу.

Пришлось мне буквально впихивать в себя еду — кусок в горло не лез, и потому жевался с большим трудом. В этот момент я бы совершенно не удивился, если бы упал замертво — от Леры всего можно ожидать. Но в ее планы не входило убивать меня сегодня, поэтому она не сводила с меня глаз, пока тарелки не опустели.

— Отлично, — убрав поднос на тумбочку, она еще несколько секунд смотрела на меня, а потом вдруг притянула к себе рывком, и впиалась в губы. Именно впиалась, а не поцеловала —

еще и прикусила нижнюю губу, и я вздрогнул, почувствовал во рту солоноватый привкус крови. Холодная женская рука поползла вниз, ухватила пенис, и сильно сжала его.

— Ну, и что ты решил? — поинтересовалась Лера. — Будешь ублажать меня добровольно, или опять задействовать гипноз?

Я отвел взгляд в сторону.

— Пошла ты!

— Значит, по-хорошему не хочешь, — констатировала она. — Так даже лучше — интереснее будет посмотреть, как ты ломаешься. На колени!

Я открыл было рот, чтобы в этот раз конкретно и ясно послать ее вместе с ее коленями в то место, откуда дети берутся... и не смог вымолвить ни слова. Все мое тело замерло, ни один мускул не шевелился, голова сильно заболела, появилось жжение в висках. Лера опять брала мой разум под свой полный контроль, подчиняя своей воле, и превращая в послушную игрушку. И, как и в прошлый раз, я не мог ей сопротивляться от слова совсем.

Хотя, знаете, какое-то отличие все-таки было. В прошлый раз и пяти минут не прошло, как я хотел Леру, хотел ее трахнуть, отодрать во все щели, заставить кончить — то есть, во мне поселилось дикое сексуальное желание, которым она умело манипулировала. Сейчас такого не было — тело слушалось, но мозг продолжал работать на своей волне. Наверное, причиной была любовь к Марине — ничто не могло перебить это чувство.

И Лера тоже это поняла — потому что равнодушное выражение на ее лице вдруг сменилось на удивленное.

— На колени, — повторила она, напряженно щурясь.

Я соскользнул с кровати, и уперся коленями в холодный пол бывшей больничной палаты.

— Отвечай, — Лера раздвинула ноги, демонстрируя мне во всей красе свою гладко выбритую вагину. — Хочешь меня?

Видимо, я должен был ответить: «Да, Госпожа, умираю от желания, позвольте мне овладеть вами», и так далее. Но я с ясной головой громко и коротко ответил:

— Не дождешься.

Лера вздрогнула.

— Этого не может быть... — прошептала она, и на секунду в ее глазах промелькнул испуг. Но тут же взяла себя в руки, и повысила голос: Это неправильный ответ, раб! Ты должен умирать от желания заняться со мной любовью, понял?

— Понял, — я дернул плечом.

— Уже лучше. Что ты понял?

— Что ты просто дура, раз думаешь, что я буду умирать от желания. Да я лучше ядовитого скорпиона трахну, чем тебя, психопатка ты бешеная.

Надо было видеть ее лицо — Лера до того разозлилась, что даже губу прикусила. Она явно такого не ожидала, а еще — совершенно понятно, что с таким столкнулась впервые. Видимо, я был единственным мужчиной, кто под воздействием ее способностей оставался непокорным, как и раньше. Это ее озадачило, но также и жутко заинтересовало, ясное дело, небывалый случай в практике.

— Любопытно, — она сдвинула ноги, и провела ладонью у меня перед лицом. — Да ты просто набит сюрпризами. Пожалуй, ты принесешь мне даже еще больше пользы, чем я думала.

Ну-ка, устроим проверку. Кто я? Отвечай.

— Лера.

— Я — твоя Госпожа. Повтори!

— Ты — моя Госпожа, — повторил я.

— Допустим. Ты хочешь меня?

— Нет.

— Как нет?

— А вот так, — я развел руками. — Видно, не судьба.

Для Леры стало полнейшей неожиданностью, что я могу двигаться самостоятельно, и даже разводить руками. А я и сам не мог понять, что происходит — мой разум снова обрел контроль над телом, ощущая его так четко, как никогда раньше. Она вскочила с кровати.

— Заткнись! На пол, и лижи мне ноги! Ну!

— Я тебе собачка, что ли? Слушай, а ты точно экстрасенс? Просто с твоими способностями тебе только по базару ходить, да кричать: «Позолоти ручку, дорогой, всю правду расскажу!». Озолотишься, в натуре.

Этого она уже не могла вынести — злодейка, которая в прошлый раз имела надо мной полную власть; ненормальная стерва, которую я боялся, как огня; доминантка, которая подчиняла мужчин своей воле, и издевалась над ними в свое удовольствие — выглядела конкретно испуганной, и вся тряслась, то ли от злости, то ли от изумления. А я, почувствовав, что мне неудобно стоять на коленях, поднялся с нехорошей такой улыбкой.

— Не подходи ко мне, — прошептала Лера, начиная медленно пятиться назад. — Стой!

Но было уже поздно — осознание того, что ее гипноз больше на меня не действует, словно придал мне сил. Рванувшись, я опрокинул ее на кровать, и захлестнул цепью ее горло; Лера захрипела, испуг в ее глазах сменился кровожадной ненавистью. Вместо того, чтобы попробовать разжать мои руки, они что есть силы впились острыми ногтями мне в спину, полосая кожу. Кровь хлынула на простыни, я слегка ослабил хватку, и тут же получил сильный удар коленом в живот, от которого меня снесло на пол.

— Убью! — проревела психопатка, и теперь уже сама кинулась на меня.

А ведь реально убьет, видать, у нее окончательно шарики за ролики заехала. Но не успел я приготовиться, чтобы нанести ей какой-нибудь хороший, нокаутирующий удар — обычно я не бью женщин, но тут особый случай — как в глубине здания что-то взорвалось с громким треском, завывла сирена. Послышался топот ног, и крики:

— Никому не двигаться, полиция! Лежать!

Лера замерла в шаге от меня, ее глаза расширились, она буквально остолбенела, уставившись на дверь. А та не замедлила открыться, являя взору капитана Рогозину в бронежилете и с пистолетом в руках, за ее спиной маячили черные маски и шлемы группы захвата.

— Руки вверх! — рявкнула Алина. Лера медленно подняла к потолку ладони. — Валерия Смирнова, вы арестованы по подозрению в незаконной научной деятельности, а также нарушению статьи уголовного кодекса о правах выживших мужчин... Саш, ты как?

Я молча показал большой палец.

— Принесите ему одежду, — скомандовала Рогозина кому-то за своей спиной. — А этой — наденьте наручники, и тащите в машину. Наконец-то попалась, дрянь эдакая.

Я ожидал, что здесь Лера выкинут что-нибудь рискованное, но она молча позволила защелкнуть на своих запястьях стальные браслеты. И только тогда криво улыбнулась:

— Капитан, вы совершаете большую ошибку. Этот мужчина — мой жених, а мой отец...

— Будет сидеть вместе с тобой, — удовлетворенно закончила Алина. — «Крыша» его

закончилась, не хотят люди из-за такой гниды с властью ссориться. Думаю, лет по десять оба получите.

— Я тебя, сучка, найду еще, — голос Леры снова зазвучал холодно и цинично. — Пожалеешь, вот увидишь.

— Обязательно, — ответила Алина с жуткой улыбкой. — Я пожалею только об одном — что не смогла тебя, гадину, раздавить раньше. Уведите ее.